

Смех Господа Бога

Когда читаешь в биографической справке, что русский поэт Владимир Захаров учился на физфаке НГУ, с блеском защитил докторскую, в 1991 году избран действительным членом Академии наук СССР, одиннадцать лет руководил Институтом теоретической физики им. Ландау, а с 2005 года читал лекции в университете города Тусон (США), и т. д., и т. п., и к тому же он – Лауреат Государственных премий СССР и Российской

федерации, и удостоен (удел немногих) Золотой медали Дирака (понятно, за научные достижения), невольно думаешь: тут какая-то путаница. Но никакой путаницы нет. Владимир Евгеньевич с удовольствием подчеркивает, что вырос в семье, где русская поэзия всегда являлась высшей ценностью, и даже был в его жизни такой момент (ещё в нашем новосибирском Академгородке), когда он всерьёз готов был

оставить любимую науку ради любимой поэзии. К счастью, этого не случилось. К счастью потому, что талантов свыше Владимиру Евгеньевичу отпущено столько, что он одинаково преуспел и в том, и другом. С удовольствием представляем стихи поэта из его «Малого собрания сочинений» (стихи, поэмы, переводы), вышедшего в 2019 году в издательстве «Водолей» (Москва). Есть чему радоваться, чем гордиться.

РАКОВИНА

Ю. Кононенко

Внутренний гул, перекачивающееся слово, описание любви, смех Господа Бога, застывшие на картоне линии изображают море. Выпьем, друзья, за художника, создавшего это!

Нам остается все меньше времени для промедлений. Друзья! Пусть будет у нас подобие монастыря: устроим совместные трапезы, презирая земную славу, выберем символом раковину с ее внутренним шумом.

Слава Богу, он не вмешивается в наши дела. Слава Богу, величия на свете не существует. Слава Богу, есть еще дом, где я могу отдохнуть в дни моих странствий, где нарисованная раковина шумит неумолчно.

ЗАХАРОВ

Страшная эта вещь, Собственное фамильное имя, Когда оно безжалостно Произносится другими, Лишь произнесут его, Злые духи на крыло встали, И стоишь ты, как сказано, Выкован из чистой стали.

Сознавая это, Люди придумали Много уловок, И каждый, Сколь бы ни был неловок, Имеет первое имя. От кикимор Я защищен уже тем, что священник Называет меня Раб Божий Владимир, И еще, Я признаться решусь, Была одна дева, Называла меня «Вовуся».

Это хорошо, но этого мало, Враждебная рать отнюдь не устала, Воет кикимора в дымоходе,

Нельзя доверяться и ясной погоде, Нужно приобрести звание, Свообразно спнорковке. Я, например, академик, Как и грезились юному Вовке. Не потеряются Среди бескрайних армейских просторов Ни генералиссимус Швейк, Ни рядовой Суворов.

И все-таки солнце Весьма неверное ныне, Я ведь на судне В бескрайней водной пустыне, Ледяной океан, И в этом пространстве диком, Пожилой бонвиван, Сражаюсь я с Моби Диком. Давно уже команды нет, Только течь и гарпунная пушка, Солнце крутит задом В небесах, как шлюпка, За рулем я один, Уклоняюсь от страшных ударов, И гремит из-под льдин «Захаров! Захаров!».

ПРОЩАНИЕ С АКАДЕМГОРОДКОМ

Катится велосипед. О, мои быстрые спицы – В призрачном обode лет Быстро мелькнувшие лица. Льётся рассеянный свет С голубоватых просторов На деревца, на проспект, На продавца помидоров. Город, веселья огни Все мы твои сосчитали!

Нам на прощанье кивни В высокомерной печали, Твой захлебнётся кураж Скоро в недвижимой эпохе, Солнечный, сахарный – дашь Нам на прощанье хоть вздох. Трудно подбьем Афин Быть среди вороньего пира. Кто улетает – своим Он уж считает полмира, Там он с печатью твоей Вспомнит нежней, бестолковой Свадьбы и смерти друзей, Преображенья любовью. Вспомнит ночной огонёк Лодки, во тьму уходящей, Или такой вот денёк, В красном стакане горящий.

* * *

Наши лучшие дни протекли в мастерских, Мы сейчас вспоминаем о них, Эти дни предо мной, как на леске тугой, Рядом с граверной медной доской.

Здесь горячим вином обносился наш круг, Друг был рядом и дальше был друг, Хоть и ночь, развалившись, царила вокруг, Не светлея от сомкнутых рук.

Наши лучшие дни протекли в мастерских, И о днях размышляя иных, Мы горячим вином не в туман за окном, В неподдельную давность плеснем.

На нетронутый, вмиг лиловоющий наст, Нежным снегом присыпанный весь, Пусть тому, кто устал, и кто выжил из нас, Будет сил прибавление здесь.

ХОРОШИЕ ДНИ

Наступили хорошие дни, холода убывают, На земле истончается щит ледяной, Всюду капли воды просочились и тает Мозг мертвых, зарытых зимой.

Наступили хорошие дни, и деревья По колено в снегу, по колено в воде, Нужно жить, сохраняя бывшее терпенье, Утопая в труде.

Три тепла, три тепла! Полудень-полуутро, Нужно снова учиться ходить по земле, Опираясь на плечи заботы минутной О сегодняшнем дне-костыле.

И глядеть, как повсюду весна подступает, Как сугроб намокает в лиловой тени, Раз несказанный стыд, что я жив, отступает, Значит вправду – хорошие дни.

НОВОГОДНЕЕ ПОСЛАНИЕ

Г. Прашкевичу

Когда придет блаженный выдох И вся исчезнет боль в висках, Припомни, друг, о лучших видах, О самых славных пустяках.

Взгляни на мир цветной, нарядный, Беспечный, пышный, расписной, Хранящий в памяти парадной Под твердым снегом летний зной,

Творящий в снах метемпсихозы, Когда синее ночью мгла И приникают к нам морозы Густым цветением стекла,

Кольнувший сущью конопляной, Растертой в пальцах желтизной, Дохнувший зимнею поляной С польнью желтой и мучной,

Плеснувший музыкальной солью На разноцветные огни, Ужели, друг, сердечной болью Встречать должны мы эти дни,

Когда роскошествуют елки В своей доступной красоте И взорванных миров осколки Друг друга ищут в темноте!

Зачем тебе наука, человек?

«У меня хорошо организованный мозг», – говорил о себе Геннадий Львович Поспелов (1912-1973) – геолог-рудник, доктор геолого-минералогических наук. Общавшиеся, работавшие с ним могут подтвердить это. Моё появление в новосибирском Академгородке было напрямую связано с Поспеловым. Какое-то время я даже жил у него. Огромная (не только научная) библиотека, бюст хозяина квартиры (кажется, работы скульптора Меньшикова). В Институте геологии и геофизики АН СССР Геннадий Львович заведовал лабораторией, но часть жизни его, конечно, осталась в Томске, где он закончил знаменитый политех, и там же читал лекции по общей геологии, тектонике, геоморфологии, настолько увлекательные, что в аудиторию охотно ходили студенты совсем других факультетов. Среди открытых Поспеловым – месторождения редких металлов, и полиметаллические месторождения Салаира. При этом интересы Генна-

дия Львовича простирались столь широко (в том числе, в философию), что время от времени это выходило ему боком. Академик Ю.А. Кузнецов, выдвигавший на Ленинскую премию монографию Поспелова «Парадоксы, геолого-физическая сущность и механизмы метасоматоза» тщательно пытался убедить Геннадия Львовича убрать из названия слово «парадокс» (по тем временам звучавшее раздражающе). «Не будет ли парадоксом, если за парадоксы мы дадим премию?». Все это работе Поспелова, к счастью, не мешало. Он был не только настоящим профессионалом в своем геологическом деле, но ещё и поэтом – настоящим, читаемым. «Разве удел у юности – старость? Разве удел у старости – смерть?».

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Стихи рождаются странно... Сначала мелькнет вдруг строчка и рифма придет неожиданно, иль образ удачной «точки». Так в темноту предчувствий приходит центр тяготения. И вот уже волны чувства приводят сознание в смятение. И из глубин сознания всплывает начало мысли – неясное начертание, рожденное зовом Высей. Тогда появляется фраза и начинается дело. И в зыбком словесном газе стиха возникает тело. В нем всё внутри переменено, невыстоянно и непрочно. Уже говорит вдохновение, но молчалива точность. Ещё не хватает света, Чтоб слову переливаться. Слова рождены, но это – Лишь центры кристаллизации. И то, что потом зовется стихом, что сердца тревожит, на то что сперва прорвётся, бывает совсем не похоже!

С тех пор, как Луна из блина стала глобусом, с тех пор, как ракеты пошли, как автобусы,

ГЛЯДЯ НА ЗЕМЛЮ С ЛУНЫ

с тех пор, как с Луны мы увидели Землю, от туч полосатую круглую Землю, жемчужным Юпитером в небе висающую, приходят раздумья чем дальше, тем чаще. А где же там я в этом мире жемчужном? И то, что я есть там – кому это нужно?

ВОПРОСЫ

Зачем тебе наука, человек, ее приобретенья и утраты? Могли же люди коротать свой век не зная архимедов и сократов. Тебе давало выжить ремесло, кормило эмпирическое знание, и колесо, и парус, и весло не из теории вошли в твоё сознание. Что из того, что ты достиг Луны, что жаркий атом держишь как окурочек, что лён и мех теперь твои сыны сменили на химические шкуры? Зачем тебе наука, человек, взрывающая разум твой и душу? Она вошла, как пламя, в новый век, спокойствие у всех людей нарушив. Незнающему легче в жизни плыть в смиренности – с сознанием не взыскаю. И без науки можно жизнь прожить. Вот только – для чего? зачем? какую?

НАСТРОЕНИЕ

Однажды я вышел из дому И вдруг увидел – желтый лист на зеленой траве. просто лист на простой траве и ничего больше. Но что-то оборвалось в моей душе вот так, ни с того, ни с сего, и я вдруг почувствовал себя старым, старым и всеми брошенным бредущим в пустыне без радостей и надежд. И все оттого, что увидел – желтый лист на зеленой траве, просто лист на простой траве и ничего больше. Прошли дни и что-то переменялось. Однажды я вышел из дому И вдруг увидел – желтый лист на зеленой траве, просто лист на простой траве и ничего больше. Но все запело в моей душе вот так, ни с того, ни с сего. И я вдруг почувствовал себя почти художником за мольбертом, Почти музыкантом за нотной тетрадкой, частичей света среди мира красок! И всё оттого, что увидел – желтый лист на зеленой траве, просто лист на простой траве и ничего больше.